

УДК130.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРРОРИЗМА

С. С. Бовдилова

И-159, III курс

Научный руководитель: Гаврилов О.Ф., к.ф.н., доцент

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

Терроризм как идеология и практика насилия имеет глубокие исторические корни и разнообразные формы своего проявления. Как и раньше, он, к сожалению, продолжает собирать богатый урожай невинных жертв. Эта беда не обошла стороной и Россию, где терроризм сегодня нередко камуфлируется в религиозные и националистические одежды. Вызывает удивление то, что среди террористов оказываются не только выходцы из тех регионов страны, где проявления фундаментализма и радикализма имеют среди прочего этно-религиозные предпосылки, но и представители славянских народов. Причем, иногда из обеспеченных слоев населения, имеющих или получающих высшее образование. Что происходит с сознанием этих людей, каковы предпосылки формирования личности террориста, в чем проявляются ее психологические и мировоззренческие контуры? Об этом и пойдет речь в данной работе.

В объяснении феномена терроризма современная психология во многом опирается на положения бихевиоризма и психоанализа [6, С. 90]. Исходя из бихевиористской концепции «фрустрации – агрессии» Н. Миллера и Д. Долларда [5, С. 50] причиной агрессивного поведения, в том числе и поведения террориста, является состояние фрустрации, то есть субъективного переживания непреодолимости преград. Конечно, прямую зависимость между фрустрацией и агрессией проводить нельзя. Агрессия – лишь один из поведенческих сценариев и для того, чтобы был выбран именно он, требуются подкрепления – чаще всего в виде материального или морального поощрения, получаемые через самые разнообразные каналы связи: кинопродукция, интернет-ресурсы, личный контакт.

Действительно экстремальные психологические состояния индивида, в том числе и состояние фрустрации, представляют собой благодатную почву агрессивного поведения. Перед многими людьми время от времени возникают барьеры, невозможность преодоления которых не только осознается, но и болезненно переживается. В качестве этих барьеров могут выступать факторы социально-экономического (дефицит материальных средств, безработица, рас-слоение в обществе), политico-правового (коррумпированность власти, ку-мовство, деформация системы правоохранительных органов), социально-пси-

хологического (конфликты на работе, в семье, с окружающими) характера. Попытки их преодоления иногда чреваты нарушением общепринятых норм и влекут в таком случае наказание. От кого бы оно ни исходило, эта инстанция будет ассоциироваться с «родительским» контролем. Примечательно, что наказание не всегда является сдерживающим фактором для проявления агрессивных действий, оно может привести к смещенной агрессии, то есть к проявлению агрессии по отношению к чужим. Террор, в данном контексте – направленная вовне попытка освободиться от власти родителей путем уничтожения власти во внешнем мире с намерением «освободить себя самого и страдающих от ... безжалостных властителей» [9, С. 166].

Психоаналитический подход в анализе терроризма предметом своего внимания делает феномен человеческой деструктивности. Она, согласно Э. Фромму, выражается в «злокачественной агрессии». Описание факторов, определяющих такой вид активности, может быть осуществлено в понятиях авторитарной личности, некрофильской личности и нарциссической личности. Для авторитарного типа личности свойственны установки садизма и мазохизма, причем, они не существуют друг без друга, а составляют его две взаимодополняющие стороны. В данном контексте садизм и мазохизм выходят за рамки сексуальной сферы и включаются в область общественной деятельности. Здесь садизм проявляется в стремлении к безграничной власти над беззащитным существом и ощущению всемогущества, а мазохизм – в готовности отказаться от свободы в пользу подчинения себя другим ради личной безопасности, в жалости к себе и готовности принести себя в жертву на фоне неприязни к противнику. Крайней формой выражения человеческой деструктивности является некрофильская личность, для которой характерна установка на насилие, как естественный способ решения проблем. Нарциссизм же обеспечивает групповую сплоченность террористов посредством чрезмерной сосредоточенности на защите своего Я, убежденности в собственном превосходстве в сочетании с отсутствием положительных эмоций к «чужим» [8, С.251, 269].

Кроме того, психоаналитическая традиция проявляет интерес к факторам детства, отношениям в семье, нередко составляющих предпосылки формирования качеств личности, потенциально ориентированной на воспроизведение стандартов мировосприятия и поведения террористов. В данном ракурсе большую роль играют такие причины как жесткое обращение с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений в семье. Предпосылками тяжелых расстройств поведения является ощущение эмоциональной покинутости в самом раннем детстве. Для дальнейшего развития склонности к насилию вполне хватит оскорблений и проявления жестокости по отношению к ребенку. Подобный опыт детства формирует ущербную личность с деформированным самосознанием, с множеством комплексов и враждебностью по отношению к окружающим. Так как полноценное становление «Я» этой личности в раннем детстве не состоялось, то и адекватное «Сверх – Я», представленное по большей части родительскими запретами, у него не получает должного развития.

Человек с опустошенным «Я» стремится наполнить его содержание при помощи других людей, с которыми он вступает в значимые отношения [3, С. 23].

Дегуманизация сознания террористов прямо зависит от искаженного восприятия действительности, такого рода личности как бы находятся в мире, но в определенном смысле оторваны от него. Сознание террориста характеризуется дефектностью чувствования. Это – очень важный фактор, так как эмоционально-аффективный контакт с миром первичен по отношению к познавательному контакту. Мир открывается нам именно в аффективной форме, точно также в эмоциональном выражении открывается и другой человек. Чем больше мы способны чувствовать, тем больше мы в состоянии уважать других людей и ценить мир в целом. Недостаток чувствования искажает отношение с миром и с другими людьми, при этом уродует саму идентичность террориста в той мере, в которой идентичность коррелятивна окружающему миру, неразрывно связана с ним. Сознание террориста и его бытие-в-мире тоже является дефектным. Варварское обращение с другими людьми как с объектами является восполнением недостатка чувствования и пораженной личностной идентичности. С этим связаны внутренняя пустота, ослабленное чувство ценности жизни, неустойчивая связь с реальностью. Террористы добровольно отрицают жизненный мир как источник смысла и ценности. Данное отрицание подпитывается динамикой группы террористов, в частности, неприязнью ко всему, что за ее пределами, смысл имеет только идеология группы. Подлинные межличностные отношения в группе террористов невозможны: единица – всего лишь ее инструмент. Террорист смотрит на своих жертв, как на объекты, потому что сам является только инструментом, не обладающим личностной жизнью и бытием-в-мире [7. С. 346].

Современный терроризм чаще облекается в религиозные покровы, хотя его националистические, политические и пр. варианты полностью не исчезли. Для обозначения этого феномена сегодня используют выражения «религиозно-мотивированный экстремизм и терроризм», «псевдоисламский» терроризм. Вопрос о конфессиональной причастности терроризма очень непростой и деликатный. Представители государственной власти, а так же исламского духовенства постоянно говорят об искажении террористами подлинного ислама. Но факт остается фактом: среди организаторов и исполнителей террористических актов сегодня мы видим, прежде всего, носителей мусульманской культуры.

Чем это объяснить – вопрос отдельный. Но сейчас стоит констатировать, что религиозное сознание в целом и любой вариант его выражения потенциально содержит предпосылки экстремистского поведения. Семантика любой религии многозначна, а иногда и противоречива. Поэтому один и тот же сакральный для какого-то народа текст можно читать по-разному – стремясь за «буквами» увидеть аутентичный смысл или принять его дословно. Как тогда относиться к следующим строкам из Нового Завета: «Не мир принес Я на землю, но меч» (От Матфея 10:34-34), или «Враги человеку домашние его» (От Матфея 10:34-36)? Мы исходим из того, что любая религия, аккумулируя в себе огромный гуманистический потенциал, одновременно представляет собой

вероятный фактор радикального, экстремистского, а в крайних случаях – террористического типа поведения.

Идейное ядро любой религиозной системы включает в себя два принципа, в некоторых случаях находящихся в отношении комплементарного созвучия, а в некоторых – антагонистического противоречия. Речь идет о требовании любви к Богу и одновременно любви к ближнему. Эти принципы образуют синтетическое единство, когда любовь человека к Богу дополняется любовью к единоверцам. Но они полностью отрицают друг друга, когда любовь к Богу встречает непонимание, а, возможно, и препятствие – кощунство, законодательные ограничения – со стороны «ближних». Поскольку именно любовь к Богу является концентрированным выражением смысла жизни верующего человека, поскольку так называемые ближние оказываются для него злейшими врагами, воплощением дьявола на земле, а потому достойными смерти [2, С. 167-170]. Истребление «неверных» воспринимается в качестве оправданного перед Богом, сакрализованного поступка.

Разрешение дилеммы, постулирующей требования любви к Богу и к ближнему, возможно только при условии, что верующий человек откажется от статуса носителя истины в последней инстанции, носителя абсолютной истины и признает относительный характер своего восприятия объекта веры. Только при этих условиях возможна толерантность в отношениях с иноверцами и инославцами. Но религиозные смыслы по определению – догматичны [1, С. 113-116]. Признать относительность собственных взглядов на идейное, культовое и организационное содержание своей религии для большинства будет означать измену вере. Коран ясно предупреждает сомневающихся и колеблющихся в вере, что их «не простит Господь, прямой стезею не направит» [4, 136]. Как следствие этой позиции выступает нетерпимость к другому, радикальность в суждениях и поступках.

К этому добавим, что данные паттерны религиозного сознания, имеющие для него универсальный характер и иногда подталкивающие человека к насилию, характерны и для других нерелигиозных вариантов терроризма. Это дает основание для предположения, что и политический, и этнический терроризм можно одновременно рассматривать как случаи квазирелигиозного терроризма: весь спектр представлений о должном имманентно включает в себя идеи сакрального. Разница лишь в том, что политические и националистические варианты экстремистских паттернов идею Бога замещают идеей справедливого общественного устройства. Признать эти формы сознания религиозными по существу не позволяет то, что объект религиозной веры носит трансцендентный характер, а должное как ценность политически или этнически ориентированного терроризма пространственно локализуется в нашем мире.

Таким образом, тип личности, склонной к терроризму, обладает рядом характеристик, которые раскрываются в анализе ее психологического профиля, некоторых контуров мировоззрения. В психологическом аспекте можно рассмотреть ее зависимость от факторов фрустрации, деструктивности, вос-

приимчивость к которым в большей степени закладывается в детстве. Сознание террориста является вариантом религиозного или квазирелигиозного сознания в своей наиболее радикальной форме выражения: достойно уничтожению все то, что препятствует приобщения к Абсолюту. Указанные закономерности следует учитывать в профилактике и противодействии терроризму.

Список литературы:

1. Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. О коммуникационных предпосылках религиозной толерантности и нетерпимости // Глобализация и пути сохранения традиционной культуры. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2009. С. 113-116
2. Гаврилов Е.О., Гаврилов О.Ф. Религиозный экстремизм как проблема права и философии // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 5. С. 167-170
3. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб.: Речь, 2014. 320 с.
4. Коран. Перевод смыслов и комментарии В. Прохоровой. М.: Аюрведа, 1992. 621 с.
5. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
6. Ольшанский Д.В. Психология террориста // Психология террористов и серийных убийц: хрестоматия. Мн.: Харвест, 2004. 400 с.
7. Станжевский Ф. А. Проблема сознания террористов и их целевой аудитории в контексте моральной оценки террористов // Конфликтология. – 2016. – №4 (3). – С. 342 – 350
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Прогресс, 2003. 320 с.
9. Фромм Э. Душа человека: ее способность к добру и злу. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 148 с.